

О.Б. Мозохин
В.Н. Сафонов

ПРЕДАТЕЛИ

АНАТОМИЯ
СПЕЦСЛУЖБ

Анатомия спецслужб

Олег Мозохин

Предатели

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 67.401.212

Мозохин О. Б.

Предатели / О. Б. Мозохин — «ВЕЧЕ», 2023 — (Анатомия спецслужб)

ISBN 978-5-4484-8824-5

Одной из главных проблем Советского государства были перебежчики. К врагу бежали с ценными оперативными материалами как крупные военачальники, так и командиры рот, взводов и батарей. Переходили целые советские части. Бежали артисты, писатели, философы, помощники вождей, певцы и балерины, летчики, матросы и просто рабочие. Бежали из Страны Советов даже бывшие члены Коллегии ВЧК... В книге рассказывается о судьбах четырех изменников Родины: начальнике УНКВД по ДВК Г.С. Люшкове, бежавшем к японцам; кадровом сотруднике ГРУ генерал-майоре Д.Ф. Полякове, который почти 25 лет служил спецслужбам США; шпионе А.Н. Филатове; агенте ЦРУ А.Г. Толкачеве. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-4484-8824-5

© Мозохин О. Б., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Сафонов, Олег Мозохин

Предатели

Анатомия спецслужб

© Мозохин О.Б., 2023

© Сафонов В.Н., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

Как свидетельствуют документы на советских граждан, изменивших Родине, приходишь к выводу, что сразу с зарождением Советского государства для новой власти наступила большая проблема – перебежчики. К врагу бежали с ценными оперативными материалами, как крупные военачальники, так и командиры рот, взводов и батарей. Переходили целые советские части (бригада Н.А. Григорьева, 3-й стрелковый полк 1-й Петроградской бригады, 1-й Ревельский эстонский полк и др.). Довольно часто с огромными суммами народных денег переходили военные казначеи и другие материально ответственные лица. Бежали артисты, писатели, философы, помощники вождей, певцы и балерины, летчики, матросы и просто рабочие. Бежали из Страны Советов даже бывшие члены Коллегии ВЧК (Ф.П. Дручов, В.В. Яковлев).

Позже, с установлением дипломатических отношений Советского государства с западными странами Европы, появлением в советских посольствах разведывательных резидентур, проблема перебежчиков достигла своего апогея – на сторону врага в поисках политического убежища устремилась советская элита: дипломаты и сотрудники спецслужб.

Одним из наиболее известных случаев измены высокопоставленных сотрудников органов государственной безопасности является бегство в Японию начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова. Об этом побеге писалось много¹. Вымыслы часто сочетаются с фактами, имевшими действительно место. Мы подробно остановимся на этом, явно нерядовом, событии в первой главе нашей книги.

Однако главная угроза для Советского государства исходила не от очевидных изменников, а от так называемых «кротов», секретных агентов – сотрудников советских спецслужб, ученых закрытых лабораторий, чиновников МИДа и иных ведомств, привлеченных к тайному сотрудничеству разведками западных стран.

Занимая важные должности в советских учреждениях и ведомствах, «кроты» поставляли врагам Советского государства сведения, имевшие государственное и военное значение, снабжали своих хозяев документами и информацией особой важности. Торгуя своей родиной, продавая противнику важные стратегические тайны, они потихоньку, тайком готовились к побегу на Запад. Можно сказать, что данный вид перебежчиков был самым опасным для Советского государства.

Одним из первых предателей, бежавших сразу после Великой Отечественной войны на Запад, был шифровальщик ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР И.С. Гузенко. В советском посольстве в Оттаве (Канада), в резидентуре ГРУ, которую возглавлял полковник Н.И. Заботин, он с женой появился в августе 1943 г. и сразу начал тайно собирать сведения о деятельности советской военной разведки. 6 сентября 1945 г. Гузенко с женой попросили политическое убежище у канадских властей, которое и было им предоставлено. Канадским спецслужбам он передал более 100 подлинных документов резидентуры ГРУ, выдал ее агентурную сеть в Канаде, США и Англии, работавшую в сфере атомной разведки. Из этих лиц 9 человек были осуждены к длительным срокам тюремного заключения, в том числе Мэй Алан Нун, английский физик, активно участвовавший в работах по созданию ядерного оружия. В результате этой измены советской военной разведке был нанесен ощутимый удар.

В начале 1950-х годов Главное разведывательное управление Генштаба решило восстановить остатки агентурной сети в США, находившейся в бездействии. На нелегальную работу

¹ «Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов...», или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон // Новый часовой. 1998. № 6, 7; Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2, 3; Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель // Труд. 1990. 5 августа; Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3, 4, 5; 1991. № 3, 5, 6, 7; Куксин И. Побег столетия // Вестник. 1999. № 17; Соколов Б.В. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М.: Вече, 2000 и др.

в резидентуры ГРУ в Нью-Йорке, Чикаго и Вашингтоне были направлены советские офицеры-фронтовики, опытные и весьма подготовленные сотрудники. Это были большие мастера своего нелегкого ремесла.

Известно, что работа против представительств СССР в США в 1950—1970-х годах являлась основным направлением деятельности американских спецслужб. ФБР вело тотальную слежку за советскими гражданами, тщательно изучало их, используя весь свой арсенал оперативных средств. Не считаясь с официальными протестами с советской стороны, фэбээровцы шли на любые провокации, вплоть до грубых вербовочных подходов к советским представителям, склонения их к измене родине. Бывали случаи применения в отношении граждан СССР физической силы, грубого и унижительного обращения.

Одной из важнейших задач, решаемых спецслужбами США, являлось выявление советских разведчиков, занимавшихся агентурной работой. Здесь особую роль они отводили наружному наблюдению.

Практически у всех служебных и жилых помещений, принадлежавших представителям СССР, имелись стационарные посты наблюдения, которые осуществляли круглосуточный контроль за этими зданиями и координировали работу бригад наружного наблюдения, ведущих слежку за конкретными объектами. Все посты были оборудованы оптическими приборами, фотоаппаратами, автомобилями, что давало возможность вести как скрытое, так и открытое визуальное наблюдение. По запросам бригад операторы постов давали подробные описания внешности вошедших в советское представительство посетителей из числа иностранцев, их характерные признаки, наличие у них в руках каких-либо предметов и т.п.

Анализируя обстоятельства, при которых осуществлялись вербовки многих разоблаченных американских агентов, напрашивается вывод, что разведывательные органы США придавали важное значение поиску и использованию отдельных советских граждан, действующих как из враждебных, стяжательских, так и иных низменных побуждений.

Особенно их интересовали те, кто сам инициативно предлагал шпионские услуги. Это подтверждается одним из документов ЦРУ, где давались рекомендации не упускать возможности вербовки «инициативников», которые могут стать ценными агентами, даже если в данный момент у них не было доступа к нужным сведениям.

В девяностых годах в Англии была издана книга «Беспощадный воитель», написанная корреспондентом Британской радиовещательной корпорации Томом Мэнгоулдом. Сама книга посвящена главному охотнику за шпионами, начальнику контрразведки ЦРУ Д. Энглтону, по вине которого, как считал автор, произошел провал агента спецслужб США советского генерал-майора Д.Ф. Полякова, самого высокопоставленного «крота», которого когда-либо имели американцы внутри ГРУ Генштаба ВС СССР. Он сам инициативно предложил свои услуги американцам. Вторая часть нашей книги посвящена именно этому персонажу.

В 1977 г. были арестованы американские агенты: Огородник – работник Министерства иностранных дел СССР, Вагин – работник внешнеторгового объединения, Нилов – инженер одного из высших учебных заведений и др. Были захвачены с поличным и выдворены из СССР американские разведчики-агентуристы Келли, Петерсон, супруги Крокет... Разоблачены и скомпрометированы разведчики Лефтин, Пресел, Левицки, Карельски и др.

Выдающийся советский контрразведчик Г.Ф. Григоренко, прослуживший в органах советской контрразведки на оперативной и руководящей работе почти 50 лет, постоянно подчеркивал, что вся разведывательно-подрывная деятельность ЦРУ США и др. спецслужб противника имеет определенные закономерности и проявляется в виде взаимосвязанных конкретных акций на всех направлениях и каналах разведывательного проникновения в советскую страну.

Таким образом, само собой напрашивалось, что для своевременного и успешного вскрытия и пресечения этой деятельности необходимы активные и взаимосвязанные действия совет-

ской контрразведки на всех направлениях, где проявляет или может проявлять себя противник. В этом состоял основной смысл системы контрразведывательных мер.

Правильное применение этих мер в практической деятельности позволяло свести к минимуму влияние случайностей, добиваться не отдельных успехов, а делать расчет на заранее спланированное достижение оперативных результатов. Третий публикуемый материал под названием «Оборотень из ГРУ» рассказывает о разоблачении чекистами шпиона ЦРУ А.Н. Филатова, попавшего в сети американской разведки в Алжире с помощью «медовой ловушки», широко практиковавшейся американцами в 1950—1980-х гг. Анализируя эти материалы, мы стремились показать элементы системы контрразведывательных мер, о которых говорил Г.Ф. Григоренко.

Восьмидесятые годы стали годами острой тайной войны между спецслужбами США и Советского Союза. В это сложное для Советской страны и ее контрразведки время были разоблачены агенты ГРУ США: Павлов, Васильев, Московцев, Полещук, Поташов, супруги Сметанины, Вареник, Пигузов и другие. Среди арестованных были люди разных профессий – дипломаты, научные работники, военные разведчики, сотрудники КГБ и пр., которые пользовались своим служебным положением, поставляя американским спецслужбам закрытую информацию о Советском Союзе.

Анализируя этот период деятельности, директор ЦРУ Уильям Вебстер подчеркивал, что, несмотря на значительный ущерб, нанесенный американскому разведывательному сообществу, основные усилия входящих в сообщество организаций будут направляться на более качественное и продуктивное использование существующей в настоящее время на территории СССР американской агентурной сети, на ее активное наращивание и обновление.

Выделяя СССР как главного противника, он указывал, что агентурная разведка является критически важной даже в эпоху разведывательных спутников и других технических средств, и был очень заинтересован в получении разведывательных сведений с помощью агентуры.

Как правило, меры по закреплению состоявшейся вербовки объекта в качестве агента американской разведки сводились в первую очередь к получению от них секретной информации, к которой агент имел прямое отношение по службе или работе.

Анализ оперативных и следственных материалов на разоблаченных в это время американских шпионов показывает, что спецслужбы США пытались активизировать работу по агентурному проникновению в советские учреждения, где были сосредоточены важные государственные секреты. При этом объектами их особой заинтересованности являлись КГБ СССР, ГРУ Генштаба ВС СССР, оборонные ведомства и учреждения.

Примером профессионально-грамотного ведения разработки, умелого использования оперативных сил и средств является дело по разоблачению агента ЦРУ А.Г. Толкачева, о котором мы ведем повествование в заключительной главе нашей книги. В российских средствах массовой информации, учитывая большой интерес общественных кругов к этому делу, был осуществлен уже ряд публикаций², однако они страдают неточностями, нередко описываемые события не соответствуют действительности.

Необходимо отметить, что если до конца 1970-х годов американцы с особой осторожностью выходили на контакты с «инициативниками», длительное время изучали их разведывательные возможности, то в последующий период до конца 80-х годов, когда произошли массовые провалы их агентуры, они стали проявлять больше оперативности и самостоятельности в установлении таких контактов. При этом поступали в полном соответствии с действовавшими

² Зайцев В. Захват. Группа «А»: взгляд изнутри // СБ. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 2; Атаманенко И. Это произошло в ходе игры, которую вел с Адольфом Толкачевым... // Комсомольская правда. 1999. 15 апреля; «Дорогие друзья» ЦРУ. Контрразведка. ФСБ против разведок мира. М., 1999; Его допрашивал сам председатель КГБ. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999; Атаманенко И. О чем молчала Лубянка. Часть пятая. Российская научная элита продает секреты противнику. М., 2007.

рекомендациями ЦРУ о том, что отказываться от многообещающих случаев из-за боязни провокаций значит оказывать себе медвежью услугу.

И если Толкачев в январе – июне 1978 г., пытаясь связаться с американской разведкой, 4 раза подбрасывал записки в автомашины сотрудников посольства США и связь с ним установили только через три месяца после получения четвертого письма, а личная встреча произошла спустя год, то с 1984 г. американские дипломаты стали сразу выходить на контакты с «инициативниками» и принимать от них предлагаемые материалы.

Так, изменнику из УКГБ по Москве и Московской области Воронцову удалось моментально установить личный контакт со 2-м секретарем политического отдела посольства США Фини. Воронцов позвонил американцу поздно вечером по телефону, в ходе состоявшейся короткой беседы он представился Фини как друг, который хочет передать письмо, и предложил встретиться через несколько минут в районе, отдаленном от местожительства американца на расстоянии около 300 метров. Этого оказалось достаточным для того, чтобы американец дал согласие на встречу, предложенную ему неизвестным лицом в позднее время.

Нужно отметить, что в 1970—1980-х годах работа в органах КГБ по наиболее важным делам была организована и проводилась под контролем руководящего состава. Она сочеталась с умелым и рациональным использованием всего комплекса мер по вскрытию и документированию шпионской деятельности лиц, подвергнутых проверке и разработке. В результате разработка таких лиц стала вестись более прицельно, приобрела большую глубину и эффективность. Повысились качество и конкретность планирования мероприятий по делам в зависимости от личностей разрабатывавшихся, складывавшихся по делам ситуаций, действий противника и условий, в которых находились американские агенты. Улучшилось использование агентурно-оперативных и технических сил и средств, организованнее и четче стало осуществляться взаимодействие между оперативными, оперативно-техническими и следственными подразделениями органов КГБ.

Осуществляя эти меры, советские спецслужбы в 1980-е годы сорвали многие подрывные акции американских специальных органов, выявили и обезвредили их разведчиков и агентов, действовавших на территории СССР, часть из которых имела доступ к важным секретам, прошла соответствующую подготовку и была снабжена самым современным шпионским снаряжением. В настоящей книге мы описываем судьбу только четырех изменников, принесших огромный вред нашей Родине.

Необходимо отметить, что основная часть этих материалов ранее была опубликована авторами в книгах и статьях. В настоящее время все они собраны и публикуются отдельной книгой.

Глава 1

«Бегство во спасение»

Карьера в органах ВЧК – НКВД. Генрих Самойлович Люшков родился в 1900 г. в Одессе в семье еврея – портного кустаря-одиночки. Его отец умер в 1921 г. В 1908—1915 гг. Люшков учился в казенном еврейском шестиклассном начальном училище. Небольшое время в 1916—1917 гг. работал помощником в конторе автомобильных принадлежностей Суханова. В 1917—1918 гг. учился на вечерних общеобразовательных курсах при гимназии Гуревича в г. Одессе.

Под влиянием старшего брата принимает участие в революционной деятельности. В 1917 г. участвовал в рядах социалистической молодежи в революционных событиях (установлении советской власти в Одессе). Член РСДРП(б) с июля 1917 г.

В 1917 г. вступил рядовым в Красную гвардию в гор. Одессе. С марта 1918 г. в подполье, в феврале 1919 г. был арестован, но бежал из-под стражи. В марте того же года вновь вступил в Красную армию (красноармеец-политработник 1-го Николаевского советского полка, затем курсант Киевских военно-политических курсов Наркомвоена Украины). Участвовал в боях с петлюровцами, затем работал помощником военного организатора Киевского губернского комитета партии. После захвата Киева белыми войсками в сентябре 1919 г. служил политруком 1-й Отдельной бригады 14-й армии Южного фронта.

С 1921 г. – на работе в ВЧК. После советско-польской войны – учеба в Институте гуманитарных наук в Одессе, в ноябре этого же года отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую Губчека. С 1921 по 1924 год служил в ряде пограничных и окружных отделах ГПУ. В 1924 г. работал начальником Проскуровского окружного отделения, а затем отдела ГПУ. В 1925 г. был переведен в центральный аппарат ГПУ Украины, где занимал должности начальника ИНФО УОУ ГПУ УССР, начальника СО СОУ ГПУ УССР, начальника СПО ГПУ УССР.

У многих историков встречается фраза, что Люшков в начале 30-х гг. занимался промышленным шпионажем в Германии, но таких фактов обнаружить не удалось, ссылки на документы в таких публикациях отсутствуют.

В 1931 г. он при поддержке заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР В.А. Балицкого был переведен в центральный аппарат ОГПУ СССР на должность помощника начальника СПО ОГПУ СССР – начальника 2-го отделения СПО ОГПУ СССР. В 1933 г. назначен на должность заместителя начальника СПО ОГПУ СССР.

В ноябре 1935 г. ему присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

В 1936 г. возглавил УНКВД Азово-Черноморского края.

С 1937 г. начальник УНКВД Дальневосточного края. На январском (1938 г.) совещании работников НКВД СССР Люшков был отмечен в числе лучших чекистов страны за то, что репрессировал 70 тысяч «врагов народа».

За активную борьбу с контрреволюцией был награжден Президиумом Всеукраинского ЦИКа боевым оружием в 1927 г. и Коллегией ОГПУ двумя знаками почетного работника ВЧК – ОГПУ в 1929 и 1932 гг.

Документы свидетельствуют, что Люшков, работая в секретно-политическом отделе ОГПУ, занимался происходящими в это время в стране вопросами, связанными с коллективизацией сельского хозяйства. Позже японцам он рассказывал, как подавлялись стихийные бунты голодных крестьян, как ему приходилось принимать участие в карательных экспедициях.

В 1932 г. он был включен в состав комиссии во главе с Кагановичем, инспектировавшей сельскохозяйственные районы Северного Кавказа. В казачьих станицах было введено чрезвычай-

чайное положение, они оказались изолированными от остальной страны. Не успевали рыть могилы. Умерших от голода приходилось сбрасывать в старые колодцы и засыпать землей.

Люшков в то время расследовал «случаи провокации голода» в Одесской области. 21 апреля 1933 г. совместно с начальником СПО ОГПУ Г.А. Молчановым он направил спецсообщение, в котором указывал, что по поступившим жалобам у единоличника Цихановского опухли от недоедания дети, однако произведенным обыском у него было обнаружено 54 пуда спрятанного хлеба. Единоличник Белоед, явившись в сельсовет, стал кричать о том, что умирает с голоду, в ходе обыска у него было обнаружено 2 пуда картофеля, пуд фасоли и 2 пуда бурака. В том же сельсовете якобы опухла от голода семья колхозника Писенко, у которого было обнаружено в яме 4 пуда пшеницы. Все эти лица были арестованы. Высказывалось предложение в отношении этих лиц провести показательный судебный процесс³.

Люшков выступил в роли одного из инициаторов и исполнителей фабрикации уголовного дела т.н. Российской национальной партии (РНП). Всего по этому делу было арестовано свыше 100 человек. 29 марта 1934 г. решением Коллегии ОГПУ СССР большинство обвиняемых получили от трех до десяти лет исправительных лагерей, несколько человек приговорили к ссылке.

Документально подтверждается участие Люшкова в расследовании и в подготовке процесса по делу об убийстве Кирова. После отъезда из Ленинграда И.В. Сталина, который на месте расследовал обстоятельства покушения на Кирова, руководители ГУГБ НКВД СССР, оставшиеся в Ленинграде – Я.С. Агранов, начальник ЭКО Л.Г. Миронов, зам. начальника СПО Г.С. Люшков, помощник начальника ЭКО Д.М. Дмитриев, стали активно разрабатывать политическую версию совершенного преступления.

Ими была выявлена связь Николаева, совершившего это убийство, с оппозиционерами-троцкистами Н.Н. Шатским, И.И. Котолыновым и другими. Шатский и Котолынов были арестованы и допрошены. Через них вышли на связь с «зиновьевской» оппозицией, которая в это время открыто блокировалась с «троцкистами». В своих показаниях арестованные Шатский, Котолынов, В.В. Румянцев, В.И. Звездов, Н.С. Антонов, Г.В. Соколов, И.Г. Юскин, Л.О. Ханник, и др. не скрывали общеизвестные факты о своих связях по Ленинградскому губкому и Северо-Западному бюро ЦК ВКП(б), которые возглавлял Г.Е. Зиновьев.

Сам Люшков 12 декабря 1934 г. допрашивал Котолынова, который признался ему в существовании зиновьевской организации, и то, что все декларации Зиновьева об отказе от своих антипартийных взглядов и от борьбы с партией рассматривались как маневренная тактика. С его слов, руководили организацией Зиновьев, Каменев и связанные с ними Евдокимов, Бакаев, Харитонов и Гертик. Связи с Москвой поддерживал Румянцев. Политическую и моральную ответственность за убийство Кирова Николаевым, по словам Котолынова должна была нести эта организация, под влиянием которой воспитывался Николаев, а воспитывался он якобы в атмосфере озлобленного отношения к руководителям ВКП(б)⁴.

В ходе следствия появилось новое определение причины убийства Кирова, которое было обнародовано немного позже, после ареста 16 декабря Зиновьева и Каменева. В газете «Правда» это преподносилось так, что «подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы вырвали из наших рядов тов. Кирова».

Активное участие заместитель начальника секретно-политического отдела ГУГБ Люшков принимал и в расследовании т.н. «Кремлевского дела». 7 февраля 1935 г. он допрашивал И.П. Лукьянова, коменданта Большого кремлевского дворца, который на допросе признался, что ему было известно о распространении контрреволюционной клеветы, направленной против Сталина. Знал о завещании Ленина, а также то, что Аллилуева – жена Сталина умерла

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 153.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 198. Л. 8—9.

неестественной смертью. В конце допроса Лукьянов признал, что контрреволюционные клеветнические беседы с его участием разжигали озлобленные настроения к руководству партии и к Сталину⁵.

По этому же делу 10 февраля 1935 г. Люшковым была допрошена Е.К. Муханова, работавшая в правительственной библиотеке, которая показала, что официальная версия о смерти Аллилуевой в результате болезни не соответствует действительности, что на самом деле она покончила жизнь самоубийством. Это было вызвано ее несогласием с политическим курсом, проводимым в стране, в результате которого деревня была доведена до обнищания. В городе населению не хватало продуктов питания и др.

Муханова показала, что ее знакомая Розенфельд говорила, что старые и ближайшие ученики Ленина – Зиновьев и Каменев отстранены от политической жизни, что в стране и в партии отсутствуют элементы демократии⁶. На следующий день, 11 марта, Люшковым по этому делу был допрошен Б.Н. Розенфельд⁷, а 17 марта – Д.С. Азбель⁸.

20 марта 1935 г. Люшков еще раз проявил себя. Он допросил Каменева Льва Борисовича, который показал, что он с Зиновьевым критиковал деятельность партии, Центрального комитета и допускал выпады по адресу Сталина. «В разное время, с большей или меньшей остротой, мы беседовали с Зиновьевым о нашем положении, при этом высказывалось убеждение, что к активной политической жизни нас не допустят. В отдельных случаях мы на безнадежность нашего положения реагировали злобными нападка на Сталина»⁹.

В активе Люшкова было также расследование дела троцкистско-зиновьевского центра в августе 1936 года.

В 1937 г. Люшков назначается начальником УНКВД и председателем «тройки» Азово-Черноморского края, куда входил город Сочи. За короткий срок он сумел ликвидировать три контрреволюционных правотроцкистских центра, активно выявлял «врагов народа» и среди руководства Азовско-Черноморского НКВД.

По его приказу был арестован один из убийц царской семьи, начальник ростовской конторы «Заготскот» Александр Белобородов. 26 мая 1937 г. за № 57531 Н.И. Ежов направил И.В. Сталину заявление А.Г. Белобородова от 23 мая того же года, которое ему направил Люшков. В своем заявлении Белобородов дополнил свои показания о троцкистско-зиновьевском блоке. После прочтения этого заявления Сталин написал резолюцию: «Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова – трибуна для произнесения речей – заявлений, касающихся всякого рода лиц, но ни его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит – в тюрьме или гостинице? И. Ст.»¹⁰. Следствие было продолжено. Белобородов рассказал о своих «грязных делах» и впоследствии был расстрелян.

В это время, 26 мая 1937 г., начальнику отдела кадров НКВД СССР старшему майору государственной безопасности Литвину был направлен рапорт помощника начальника 3-го отдела УНКВД КССР старшего лейтенанта государственной безопасности Т.П. Глаткова. Он писал, что в свете последних событий, с учетом дела сотрудника НКВД центра Сосновского и других предателей, считает своим долгом сообщить о Люшкове.

В своем рапорте он писал, что в июне – июле 1920 г., во время наступления на польском фронте, у него в подчинении в должности полкового уполномоченного Особого отдела дивизии работал Люшков. Он вместе с другим сотрудником отдела скрылся из расположения полка с

⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 231. Л. 32—36.

⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 230. Л. 67—75.

⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 232. Л. 168—176.

⁸ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 233. Л. 80—87.

⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 234. Л. 1—6.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 305. Л. 104—111.

документами об агентурной сети с оружием и обмундированием, выданным им в отделении дивизии. Эти лица были объявлены в розыск. Однако части дивизии быстро двигались вперед, и заниматься розыском пропавших не было времени. В полку вначале прошел слух, что оба были убиты в бою, позже пошли разговоры, что якобы они сбежали к полякам. Через несколько дней был отдан приказ по Особому отделению дивизии считать Люшкова и другого сотрудника пропавшими без вести. О чем был проинформирован Особый отдел 16-й армии.

До 1927 г. Глаткову ничего не было известно о пропавших. В 1927 г. он узнал, что в ГПУ Украины работает тот самый Люшков на ответственной работе. Предварительно сверившись и убедившись, что это и есть его бывший сотрудник, сбежавший с фронта неизвестно куда, он написал об этом рапорт руководству. Там он довел до сведения факт бегства Люшкова. Глатков был вызван в г. Харьков, где более подробно рассказал о всех обстоятельствах дезертирства бывшего своего подчиненного. Этот разговор был застенографирован, после чего Глаткову было предложено вернуться к месту службы начальника Уманского окружного отдела ОГПУ в гор. Умань.

Люшков, несмотря на этот рапорт, по-прежнему оставался в занимаемой должности.

Учитывая, что Люшков находился на работе в органах НКВД и что его бегство с фронта было связано с переходом к полякам, Глатков посчитал необходимым еще раз напомнить о вышесказанном. Однако и в этот раз никакой реакции на рапорт Глаткова не последовало.

После назначения Люшкова начальником НКВД по Азово-Черноморскому краю он начинает собирать информацию о бывшем секретаре крайкома И.М. Варейкисе, который был уже переведен на работу в Дальневосточный край. По каким-то причинам Люшков его недолюбливал. Так, 27 июня 1937 г. он сообщил Н.И. Ежову о заявлении троцкиста М.М. Малинова. «Считаю необходимым информировать Вас о нижеследующем: секретарь Дальневосточного крайкома И.М. Варейкис в конце 1931 года или в начале 1932 года, идя со мной домой после заседания обкома, начал мне говорить об И.В. Сталине, насколько я помню, по поводу одной из его речей. В этом разговоре, наряду с оценкой блестящих качеств И.В. Сталина, Варейкис отозвался о нем как о человеке весьма тяжелом, с которым крайне трудно работать, что даже некоторые члены Политбюро в его присутствии чувствуют себя несвободно и как бы чем-то виноватыми.

После назначения Варейкиса в Сталинград, он по дороге в отпуск, ожидая перцепки вагона, был у меня на квартире несколько часов. Тогда он рассказал, как произошло его назначение в Сталинград.

По его словам, ему позвонил по телефону И.В. Сталин и спросил, не обидится ли он, если его pošлют в Сталинград, на что он ответил, что сочту за честь как особое доверие ЦК, что его посылают в отстающий край для ликвидации отставания последнего.

На самом деле настроения у него были совсем иные. Он мне говорил, что И.В. Сталин его недооценивает, что выдвигают менее способных и менее заслуженных людей, что он почти единственный из старых «могикан», то есть секретарей, которые остались в прежнем положении, что в Сталинграде ему уже нечего делать.

Подобные же настроения были после назначения его в Дальневосточный край.

Встретились мы с ним тогда в Москве в гостинице «Националь».

Близкое окружение Варейкиса, я имею в виду людей, которые с ним работают 10—15 лет и он повсюду возит с собой, с точки зрения партийного лица, негодные.

Малинов»¹¹.

Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г. были утверждены «тройки» по проверке антисоветских элементов. По Азово-Черноморскому краю она была сформирована в составе Люшкова, Евдокимова и Иванова (с заменой Кравцовым). При этом

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 311. Л. 83—84.

утверждалось количество намеченных к расстрелу кулаков 5721 чел., уголовников 923 чел. Высылке кулаков 5914 чел. и уголовников 1048 чел. Разрешалось рассмотрение во внесудебном порядке дел о диверсионно-шпионских вылазках на уборке хлеба с применением расстрела¹². Люшков с успехом выполнил это задание партии.

В июле 1937 года он был награжден орденом Ленина. В ростовской газете «Молот» была напечатана личная благодарность Сталина.

В это время сложилась сложная обстановка на границе оккупированной Японией Маньчжурии. Чуть не ежедневно совершались провокации. Военное столкновение на ДВК воспринималось как неизбежное.

В это время Дальневосточный край с административным центром в Хабаровске объединял девять областей: Хабаровскую, Приморскую, Амурскую, Нижне-Амурскую, Уссурийскую, Камчатскую, Сахалинскую, Зейскую и Еврейскую автономию. В центре считали, что край засорен троцкистами.

После назначения начальником УНКВД по Дальневосточному краю Люшков начал свою деятельность довольно активно. Так, 11 августа 1937 г. Н.И. Ежов переправил И.В. Сталину его шифртелеграмму, в которой он сообщал об арестах сотрудников НКВД ДВК.

Так, С.А. Барминский, «сознавшись» в принадлежности к правотроцкистской организации в УНКВД, называл как одного из участников этой организации Т.Д. Дерибаса, С.И. Западного, нач. отдела кадров С.И. Полозова, бывшего начальника АХО Бубенного, нач. Приморского обл. УНКВД Я.С. Визеля, нач. Амурского обл. управления Д.М. Давыдова.

«О Полозове я Вам докладывал, как о троцкисте и с Вашей санкции его арестовал. Визель снят Вашим приказом как троцкист, но до сих пор Ваш приказ не был выполнен. На мой вопрос Дерибас не мог дать никакого ответа.

Давыдов – бывший белогвардеец, несмотря на выражение ему политического недоверия облпартконференции и его бездеятельности, Дерибас его не снял. Подозрительно все поведение Дерибаса. По моему приезду, несмотря на договоренность по телефону о личном свидании предварительно послал на вокзал на разведку Западного, долго не появлялся в управлении и, как установлено, высматривал на смежной лестничной клетке, что делается в кабинете Западного, где я производил операцию. В разговоре со мною проявлял растерянность и раздражение по поводу своего снятия, крайнее любопытство к характеру показаний на Западного, Барминского. Дерибас показывал харбинскую газету, где сказано о его аресте. Зная, что Западный допрашивается в своем кабинете, Дерибас появился там, объяснив мне, потому что искал меня. Подозреваем, что решил показать Западнему, что он не арестован. Заслуживает внимания оттяжка Дерибасом отъезда на ДВК, несмотря на Ваши указания на поездку его во Владивосток за семьей.

Прошу телеграфировать санкцию на арест Визеля, Давыдова, Бубенного».

Ежов доложил Сталину, который санкционировал арест: «Молотову Ворошилову. Дерибаса придется арестовать. Ст.»; «За. В. Молотов, К. Ворошилов»¹³.

Сталин считал проблемы, касающиеся Японии и региона Дальнего Востока, весьма важными и лично контролировал всю информацию. С учетом складывающейся обстановки им принимается решение об усилении обороноспособности Дальневосточного края. С этого времени начинается чехарда назначений и переназначений в партийных и силовых блоках ДВК.

Назначение Г.С. Люшкова не было случайным. Сталин не доверял Блюхеру. Ему нужен был человек, который бы «присматривал» за маршалом.

По-видимому, была еще одна причина этого перевода. Работая в Азово-Черноморском крае, Люшков собирал информацию на И.М. Варейкиса. При переводе его в ДВК он не мог

¹² АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 37.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 317. Л. 112—114.

не продолжать этого делать. Сталин это также понимал. Он нуждался в объективной информации. Таким образом, Люшков вынужден был «присматривать» не только за Блюхером, но и за первым секретарем Далькрайкома ВКП(б).

Интересно то, что Варейкис, не зная до конца причин назначения Люшкова на ДВК, в своем письме Сталину от 8 сентября 1937 г. особо отметил роль вновь прибывшего начальника УНКВД: «После приезда в край... Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерibas. Участником заговора являлся также его первый заместитель – скрытый троцкист Западный. Вторым заместителем Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель – начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов – начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск). Входил в состав правотроцкистской организации Пряхин – начальник НКВД Уссурийской области, Богданов – начальник политического управления пограничных войск и значительная часть других чекистов»¹⁴.

Только за август 1937 г. Люшков и его «коллеги» из Ростова-на-Дону арестовали более 20 руководящих сотрудников краевого Управления НКВД.

В это время на имя Варейкиса было направлено анонимное письмо неизвестной женщиной, в котором сообщалось, что на ДВК в НКВД помощником к Дерibasу из Ростова приехал польский агент Люшков. Он имел знакомство с Рожевским или Ржевским в городах Шахты и Новороссийске и через него передавали сведения в польский Генеральный штаб. Высказывалось предположение, что он продаст ДВК. Сообщалось также, что Люшков из «торговой семьи», его отец жил на процентах. В конце письма женщина писала, что боится подписываться в связи с боязнью быть посаженной. С ее слов по вышеизложенному факту уже сообщалось в Ростове. Люшков, узнав об этом письме, посадил мужа. Далее она пишет, что Люшкова точно видели. По ее словам, это черненький небольшой еврей. Реакции на анонимное письмо не последовало.

27 августа 1937 г. Н.И. Ежов сообщил И.В. Сталину о «врачах-заговорщиках», выявленных Г.С. Люшковым. Начальник санслужбы ОКДВА Короедов признался, что является участником военно-троцкистской организации и что был посвящен Л.Н. Аронштамом о необходимости убрать В.К. Блюхера из армии. По его словам, М.В. Сангурский, А.Я. Лапин и Аронштам неоднократно давали ему задание составить фиктивное медицинское заключение о признаках психического расстройства у Блюхера для посылки заключения в Москву.

Короедов показал также о большой вредительской работе по срыву санитарной подготовки ОКДВА в случае войны, проводившейся им по заданию начальника СУ РККА Баранова. Особое внимание заслуживали его показания о бактериально-диверсионной работе. В 1936 г. по указанию Баранова и Райнера в армию была послана вата, зараженная столбнячной палочкой, газовой гангреной, и нестерильный перевязочный материал. Впоследствии, испугавшись якобы провала, Баранов дал указание о производстве полной стерилизации этих материалов. Полищук принял эти материалы, в результате умерли 2 бойца Ольгинского укрепрайона. Испугавшись провала, Полищук объяснил смерть бойцов ложными причинами.

Шрайбером производилась диверсионная работа через Дальневосточный санитарно-эпидемический институт при помощи работающего там врача Антонова – участника организации. Институт весной 1937 г. выпустил для прививок армии вредительски изготовленную вакцину, давшую большую заболеваемость и даже смерть одного командира. Командование приостановило прививку и провело расследование вместе с райисполкомом. Было установлено явное вредительство.

¹⁴ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 47—48.

Люшков просил санкции Ежова на арест врачей. Он полагал произвести тщательный обыск при Эпидемическом институте с целью обнаружения бактерий для диверсионных целей. Сталин согласился с его предложением¹⁵.

11 сентября 1937 г. Ежов сообщил Сталину с приложением копии телеграммы Г.С. Люшкова о диверсионных группах на оборонных заводах в ДВК. Согласно его сообщению, арестованный директор завода № 202 Сергеев показал об участии в правотроцкистском заговоре на ДВК. В троцкистскую организацию он был якобы завербован в 1932 г. в Ленинграде зиновьевцем Ждановым (бывшим директором судостроительного завода в Комсомольске, арестован). Выезжая в 1933 г. вместе с ним на Дальний Восток, получил задание от Пятакова создать троцкистскую организацию на заводе и развернуть диверсионную работу.

По шпионско-диверсионной деятельности он был связан в Москве с Муклевичем и Стрельцовым, на ДВК – с краевым центром, из состава которого называет Лаврентьева, Дерибаса, Крутова, Косиора. Диверсионная организация на заводе руководилась японским консульством во Владивостоке, по прямому их заданию было сорвано строительство военных кораблей.

По состоянию на 4 сентября были дополнительно арестованы т.н. участники военно-фашистского заговора: Калинин, Гительман, Бойков, Малов, Солодухин, Юзefович, которые отвергли предъявленные обвинения¹⁶.

В это время начинаются операции по массовым репрессиям. Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., было принято решение о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветского элемента. Операцию решили начать по всем областям Союза 5 августа 1937 г., в ДВК – с 15 августа 1937 г. Всю операцию предполагалось закончить в четырехмесячный срок, а в ДВК – не позднее 1 апреля 1938 г. Дальневосточному краю выделялся лимит по первой категории 2 000 чел., по второй – 4 000 чел. Утвержденные цифры являлись ориентировочными.

20 августа 1937 г. Сталин, видимо, устав ждать от секретаря Далькрайкома Варейкиса сообщений об обстановке в крае, сам направил ему в Хабаровск шифртелеграмму. Он недоумевал: «по сведениям ЦК в вашем крае идут аресты по линии парторганизаций. Нельзя ли узнать, кто именно арестован, кем думаете заменить арестованных и каково вообще ваше отношение к арестам. Не кажется ли вам странным ваше молчание»¹⁷.

На следующий день, 21 августа, Варейкис поспешил дать объяснение. По его мнению, все, что происходило до последнего пленума ЦК по линии арестов, чистки края и парторганизации от врагов, он докладывал ЦК на пленуме и во время пленума. При этом признал, что за время после июньского пленума не информировал ЦК и обязался впредь все регулярно сообщать. Он писал, что в связи с арестом Дерибаса, Западного и начальника УНКВД Приморья Визеля, Амурской области Давыдова, начальника Особого отдела ОКДВА Барминского выяснилось, что органы НКВД покрывали участников контрреволюционного японо-троцкистского фашистского заговора, часть которых еще якобы осталась в составе руководящих работников¹⁸.

19 сентября 1937 г. Люшков в свою очередь сообщил в Центр свое мнение о партийном руководстве края: «Вообще не чувствуется, чтобы крайком ВКП(б) активно включался сам и мобилизовал парторганизации на активное разоблачение врагов или подхватывал проводимые УНКВД аресты для выявления всех связей. Во всем этом имеет значение стиль работы самого

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 319. Л. 115—118.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 321. Л. 38—40.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 6.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 7—8.

Варейкиса, мало соответствующего обстановке ДВК, – слишком много заботы о себе и своем отдыхе...»¹⁹

Варейкис, видимо, чувствуя недоверие к себе, поставил перед ЦК и Сталиным вопрос о порядке согласования арестов партийных работников, считая неправильным, когда их арестовывали без согласования даже с первым секретарем крайкома. В доказательство привел один пример: «Ночью 24 сентября тов. Люшков (начальник УНКВД) передал мне по телефону, что он должен арестовать бывшего зав. ОРПО крайкома Федина, уехавшего на работу в Уссурийский обком. Я спросил Люшкова: «А почему его надо арестовать?» Ответ: «Получил приказ тов. Ежова». Я ответил: «Тогда арестуйте его немедленно...»²⁰

28 сентября 1937 г. Сталин ответил: «Первое. На днях направим в Далькрай требуемых вами работников на секретарские должности. Второе. Приказы Ежова об арестах в Далькрае проходят обычно с санкции ЦК ВКП»²¹.

В это время под руководством Люшкова была проведена операция по депортации корейцев. Переселению подлежали 11 800 семей колхозников и единоличников корейцев из ДВК. Сталин считал, что выселение корейцев дело вполне назревшее, полагая, что несколько опоздали с ним. В связи с этим предлагал быстрее провести выселение, особенно с южных районов Посъета. Данное мероприятие проводилось с целью пресечения японского шпионажа в ДВК. Операцию провели быстро, 25 октября 1937 г. Ежов доложил Сталину, что выселение корейцев закончено досрочно.

19 декабря 1937 г. согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) за выполнение ответственного задания была объявлена благодарность Люшкову и всему коллективу сотрудников УНКВД, а также всем работникам Дальневосточной железной дороги, участвовавшим в выполнении этого задания²².

В октябре 1937 г. Варейкиса сняли с должности, а затем арестовали. На его место был назначен Г.М. Стацевич. С этого момента началась волна репрессий, связанная с изъятием партийно-советских и хозяйственных кадров, выдвинутых «врагом народа Варейкисом».

Компромат на Люшкова. Зашаталась почва и под Люшковым. Во время ареста сотрудника УНКВД по ДВК В.И. Осмоловского при обыске у него в нестораемом шкафу был обнаружен протокол допроса Быстрых Владимира Михайловича от 16 октября 1937 г. и письмо на имя Ежова от 17 октября 1937 г. М.И. Диментмана и В.И. Осмоловского. В этих документах против Люшкова высказывались обвинения в троцкизме.

Люшков испугался, он полагал, что эти документы попали Ежову. 21 апреля 1938 г. он поспешил ему написать, что никогда за все время пребывания в партии не только не имел никакого отношения к троцкизму, но и никаких колебаний не проявлял. В период работы на Украине, о котором писал Быстрых в своих показаниях, Люшков активно боролся против этого течения в партии.

Быстрых писал, что в 1928 г. на закрытых собраниях сотрудников ГПУ УССР Люшков выступал как активный троцкист по вопросу строительства социализма в одной стране.

Люшков оправдывался, что в 1928 г., после XV съезда партии, такие собрания вообще были невозможны, на Украине члены партии могут это подтвердить. Должны быть и архивные материалы партийной организации, при помощи которых можно установить истину. Люшков боялся того, что Быстрых объединил его с Визелем и Тенером, действительно активными троцкистами, в одну компанию, хотя в партийной организации он был одним из наиболее активно боровшихся с ними.

¹⁹ Наумов Л. Сталин и НКВД. М., 2007. С. 184.

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 23—24.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 25.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 18.

Далее Люшков писал, что в 1926—1927 гг. в период его работы в информационном отделе, один осведомитель сообщил о прямой связи троцкистов с меньшевиками. Вместо того, чтобы передать этот материал в Секретный отдел (Информотдел не имел оперативных функций), он сам довел это дело до конца. Этот факт впоследствии был широко использован в Харьковской парторганизации для разоблачения подлинных троцкистов, был использован на страницах партийной прессы.

Авторы письма на имя Ежова подкрепляли обвинения, выдвинутые против Люшкова. Быстрых утверждал, что во время совместной работы Визель был в очень близких и дружеских отношениях с Люшковым.

Люшков назвал это клеветой. По его словам, он с Визелем в близких отношениях не был. Во время работы на Украине вел с ним борьбу, а после его отъезда с Украины с ним не встречался.

Авторы письма пытались связать это с фактом самоубийства Визеля после ареста. Они пытались взять под сомнение очередность ареста Западного, Дерибаса и Визеля и обстоятельства самого ареста Визеля.

В оправдание этим выводам Люшков сообщал, что засоренность аппарата НКВД шпионами и заговорщиками сама за себя говорит. В этих условиях он решил, прежде чем поехать во Владивосток в незнакомую обстановку, вызвать Визеля в Хабаровск. Он инсценировал совещание начальников областных управлений НКВД и таким образом арестовал Визеля. Раньше он не мог этого сделать, так как приехал во Владивосток с маленькой группой в 7 человек и с первых же часов приезда развернул очень активное следствие. Так как тюрьмы не было, его сотрудники сами вынуждены были охранять Дерибаса, Западного, Полозова и Барановского. Не разобравшись в людях, они не могли оказывать слепого доверия кому бы то ни было.

Люшков признал безобразным факт самоубийства Визеля. Признал свою вину, что не уберег его. После того как Визель сознался и написал заявление (это было под утро), следователь Малкевич решил отпустить его в камеру, а самому отдохнуть, ибо они сидели, не выходя из кабинета, двое суток. Визель, как это было установлено, заранее готовился к самоубийству в случае ареста. В портфеле у него лежали конфеты, начиненные сулемой, и кусок туалетного мыла, в который также был заделан яд. Известно, что у ряда следователей, после того как они добивались признания у арестованного, ослабевают бдительность. Это случилось и с Малкевичем. Визелю удалось его обмануть. Сославшись на то, что он долго не мылся, он попросил дать ему в камеру мыло, которое находилось в лежавшем тут же его портфеле. Малкевич согласился. Люшков принял все меры, чтобы спасти Визеля, но сулема попала в почки, и врачи ничего сделать не смогли.

Осмоловский и Диментман в письме Ежову брали также под подозрение деятельность Люшкова по борьбе с врагами советской власти на Дальнем Востоке. По их словам, он якобы тормозил ликвидацию заговора по Тихоокеанскому флоту. В доказательство они писали, что 18 августа перед Люшковым ставился вопрос об аресте Лаврова и Бибикова, но ничего не было сделано.

В ответ на это обвинение Люшков пишет, что он приехал в Хабаровск 9 августа и, несмотря на то, что первое время все внимание в соответствии с указаниями Ежова сосредоточил на расчистке аппарата НКВД от предателей, сразу обратил внимание и на Тихоокеанский флот. 18 августа он вызвал из Владивостока для доклада Осмоловского и по своей инициативе поставил перед ним вопрос о вскрытии заговора. В тот же день отправил в Москву телеграмму, где ставил вопрос об особо важном значении развития этого дела, прося санкции на аресты.

Посылая Диментмана во Владивосток, Люшков поставил перед ним задачу по ликвидации заговора. Как только 16 октября он получил сообщение об Окунеve от Диментмана, в тот же день поставил вопрос об его аресте. При этом указав на то, чтобы он без его ведома не ставил вопрос об аресте Окунева. При этом Люшков исходил из директивы Ежова, указывавшей на

необходимость прекратить самостоятельную постановку местными органами перед Москвой вопросов об арестах подозреваемых без ведома начальников УНКВД.

Люшков считал, что он должен нести ответственность за порученное дело и сам решать эти вопросы. Он писал, что не сомневался в наличии заговора в Тихоокеанском флоте и не брал под сомнение показания отдельных арестованных. После выезда во Владивосток он перед руководством еще раз поставил вопрос о существующем заговоре. 12 декабря 1937 г. были даны указания о ликвидации этого заговора.

В отношении ссылок на заявление Люшкова о чересчур близких отношениях с Военсоветом руководства УНКВД, то оно основывалось на том, что Диментман и Осмоловский пытались создать такое положение, когда Военсовет был полностью в курсе всех чекистских мероприятий, зная обо всех решениях раньше Люшкова. Он считал такое положение неправильным, полагая, что аппарат НКВД не может быть информатором у Киреева.

В заключение Люшков извинялся, что занял у Ежова дорогое время, но выдвинутые против него обвинения были настолько тяжелые, что он не мог не задержать внимание Ежова на своих объяснениях. Он заверил наркома, что никогда никаких колебаний в борьбе с врагами народа он не проявлял и не проявляет.

Существует версия, что Люшков испугался показаний арестованного начальника УНКВД по Приморской области Я.С. Визеля, с которым работал в конце 1920-х гг. в ИНФО ГПУ Украины. При обыске у Визеля был изъят портфель, в котором помимо бумаг лежали полотенце, кусок туалетного мыла и две шоколадные конфеты. Осмотрев мыло, в нем нашли тщательно замаскированное отверстие, наполненное неизвестным порошком, предположительно, ядом. В одной из шоколадных конфет также оказался яд (сулема). О находке якобы сообщили Люшкову, но тот приказал ядовитый порошок не извлекать, а отверстие аккуратно заделать. После того как Визель начал давать показания о своей антисоветской деятельности на Украине и Дальнем Востоке, ему передали в камеру отобранные кусок мыла и конфеты. Спустя час Визель отравился. Его в тяжелейшем состоянии доставили в тюремную больницу, где спустя несколько дней он скончался.

Очевидно Люшков решил не испытывать судьбу и дал возможность отравиться своему бывшему коллеге. Ведь неизвестно, что бы он мог наговорить²³.

26 мая 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение произвести перестановки в органах НКВД. Согласно этому постановлению большая группа лиц перемещалась на другие должности в этой структуре. Так, Г.С. Люшков освобождался от работы начальника УНКВД Дальневосточного края. Его отзывали для работы в центральном аппарате НКВД СССР. На его место был утвержден начальником УНКВД ДВК Г.Ф. Горбач, освобожденный от должности начальника УНКВД Новосибирской области²⁴.

Через два дня, 28 мая 1938 г., за № 1155 Люшков получает шифровку из Москвы от Ежова, в которой последний писал, что «в ближайшее время, в связи с реорганизацией ГУГБ НКВД предполагаю Вас использовать в центре. Подбираю Вам замену. Сообщите Ваше отношение к этому». В ответ Люшков пишет: «Считаю за честь работать Вашим непосредственным большевистским руководством. Благодарю за оказанное доверие. Жду приказаний».

Несмотря на то, что решение о работе Люшкова в центральном аппарате было принято, Люшков по своим каналам получил информацию о якобы предполагавшемся своем аресте.

Данная информация вызывает сомнения. К чему такая подготовка? Люшкова можно было вызвать в Москву и под множеством других предлогов, а не готовить специальный приказ о его откомандировании, или арестовать на месте. Ни раньше, ни позже таких «липовых»

²³ Буяков А.М. Репрессии против сотрудников органов НКВД Приморья во второй половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Материалы 1-й Дальневосточной научно-исследовательской конференции. Владивосток, 1997. С. 68.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 17. Д. 999. Л. 50—51.

приказов для ареста сотрудников органов безопасности никогда не готовилось. Тем не менее Люшков испугался репрессий и совершил побег к японцам.

Вне всякого сомнения, принятию этого решения способствовал арест И.М. Леплевского и М.А. Кагана, близких ему людей. Бывший нарком внутренних дел УССР И.М. Леплевский 26 апреля 1938 г. был арестован по обвинению в «активном участии в правотроцкистской анти-советской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности». По его показаниям проходил друг Люшкова Каган, которого срочно откомандировали из ДВК в распоряжение Центра. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил Кагана позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова, но обещанного звонка не дождался. Каган по прибытии в столицу был арестован.

Побег за границу. После побега Люшкова к японцам проведенным расследованием было установлено, что он использовал свое служебное положение под предлогом якобы предстоящей встречи с крупным агентом в сопредельной территории.

В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. он своим приказом открыл государственную границу на участке заставы им. Косарева 59-го Посьетского пограничного отряда и совершил нелегальный переход.

План ухода за границу им был заранее тщательно разработан. С этой целью он три раза в течение месяца приезжал на эту заставу, где детально знакомился с прохождением линии границы и с путями, ведущими к японской заставе Пензау и маньчжурскому городу Хуньчун.

В первый раз Люшков приехал на заставу в сопровождении начальника пограничного отряда полковника Грибенника в ночь с 12 на 13 мая 1938 г. Вместе с ним и начальником заставы лейтенантом Дамаевым Люшков вышел на линию государственной границы, где ознакомился с местностью сопредельной стороны, прилегающей к границе.

В тот же день он в сопровождении начальника оперативного отдела штаба пограничных и внутренних войск ДВО полковника Иванова, заместителя начальника 7-го отдела УНКВД лейтенанта государственной безопасности Стрелкова, начальника Гродековского погранотряда майора Порховникова, заместителя начальника Особого отдела Приморской группы войск Сквозникова и коменданта участка Гродековского погранотряда Соловьева посетил заставу Ушагоу Гродековского погранотряда. На этой заставе Люшков интересовался расположением японских гарнизонов, их наблюдательно-разведывательными пунктами и путями движения нарушителей границы на участке этой заставы.

Вторично Люшков выехал на границу в сопровождении лейтенанта госбезопасности Стрелкова 28 мая 1938 г. Перед выездом Люшков вызвал к себе начальника пограничных и внутренних войск НКВД ДВО комдива Соколова. Им был зачитан якобы полученный телеграфный приказ наркома внутренних дел СССР Ежова о том, что Люшкову предлагается принять крупного агента, который должен был прийти с сопредельной территории на участке заставы 59-го Посьетского пограничного отряда. Об этом он заявил и лейтенанту госбезопасности Стрелкову. Выежая с Люшковым на границу Стрелков по его поручению взял с собой 15 000 разной иностранной валюты для передачи агенту с сопредельной стороны, с которым Люшков якобы должен был иметь встречу.

29 мая 1938 г. Люшков в сопровождении начальника погранотряда полковника Грибенника и лейтенанта госбезопасности Стрелкова приехал на заставу. Его приезд на заставу конспирировался от личного состава заставы, в том числе и от его начальника лейтенанта Дамаева. Перед самым выходом на линию государственной границы Люшков через полковника Грибенника отдал лейтенанту Дамаеву приказание пограничных нарядов в район пограничного знака № 8 не высылать. Что и было выполнено.

На линию государственной границы Люшков вышел в сопровождении полковника Грибенника, лейтенанта Дамаева и лейтенанта государственной безопасности Стрелкова. После ознакомления с участком границы Люшков выбрал место для своего расположения против

распадка на сопредельной территории, на удалении от линии государственной границы примерно в 200 метрах. Приказал полковнику Грибеннику занять позицию влево от него на расстоянии 300 метров, а лейтенанту госбезопасности Стрелкову – вправо на 100—150 метров. Лейтенанту Дамаеву Люшков приказал вернуться на заставу и прибыть к нему в 3 часа 30 мая. Таким образом Люшков остался один на приготовленной им позиции, имея при себе портфель, в котором находилось 15 000 разной иностранной валюты, взятой им у Стрелкова перед уходом с заставы на границу.

В 3 часа 30 мая, согласно полученным указаниям, лейтенант Дамаев подошел к месту расположения Люшкова. На месте его не было. После двухчасовых поисков он был обнаружен у пограничного знака № 8. Свое пребывание там Люшков объяснил тем, что он якобы ночью поднялся с места, отошел в сторону и где-то упал. Заметив сопку и опасаясь заблудиться, забрался на нее и стал ждать рассвета. Люшков, мотивируя оперативными соображениями, отдал приказ полковнику Грибеннику, лейтенанту Дамаеву и лейтенанту госбезопасности Стрелкову хранить в секрете его посещение заставы и блуждания на линии границы.

Позже, 9 июня, Люшков вместе с начальником штаба ОКДВА комкором Штерном выехал в г. Ворошилов и далее в г. Гродеково. Эта поездка мотивировалась серьезными происшествиями на участке 58-го Гродековского погранотряда, выразившимися в убийстве одного и уводе за границу другого красноармейца частей ОКДВА. По приезде в отряд Люшков выходил на линии границы застав: Рассыпная падь, Банная, им. Котельникова и Кордонка, где он интересовался путями движения за кордон, месторасположением гор. Пограничного (Маньчжурия) и т.п.

12 июня 1938 г., возвратившись в гор. Ворошилов, Люшков выехал оттуда в сопровождении полковника Иванова и лейтенанта госбезопасности Стрелкова на участок 59-го Посьетского погранотряда. Начальник штаба отряда майор Алексеев, замещавший начальника отряда полковника Грибенника, находившегося в это время в Хабаровске, о предстоящем приезде Люшкова был поставлен в известность заранее по телефону. Люшков предлагал лейтенанту Дамаеву неотлучно находиться на заставе.

Майор Алексеев принял меры к обеспечению безопасности проезда Люшкова по шоссе на участке отряда. Дал указание об усилении охраны государственной границы. Назначил для сопровождения Люшкова лейтенантов Карташова и Агевича. Сам к 17 часам выехал для встречи Люшкова на разветвление дорог Барабаш – Посьет – Краскино, где он и встретил его в 18.00, ехавшего в сопровождении полковника Иванова и лейтенанта госбезопасности Стрелкова.

В селении Краскино Люшков пересел на машину Посьетского пограничного отряда, при этом майору Алексееву и лейтенантам Карташову и Агевичу, а также полковнику Иванову Люшков приказал выехать в Посьет и ждать там его приказаний. Сам он в сопровождении Стрелкова поехал на заставу им. Косарева. Выезд на заставу Люшков вновь мотивировал предстоящей встречей с тем агентом, который не пришел в первый раз. Стрелков, по приказанию Люшкова, взял всю наличную валюту ИНО уже в сумме 4500 гоби и иен, которую ему передал на заставе.

Охрана государственной границы в районе пограничных знаков № 7 и № 8 была построена следующим образом. Один секрет в составе 3 человек с 17 часов 12 июня до 3 часов 13 июня высылался к погранзнаку № 8. Такой же секрет в составе 3 человек с 21 часа 12 июня до 5 часов 13 июня высылался к погранзнаку № 7. Остальные наряды высылались на другие направления и участки государственной границы. Резерва на случай назначения новых дополнительных нарядов на заставе не было. План этот передан был по телефону в штаб Краскинской комендатуры, оттуда никаких изменений не последовало.

Около 19 часов Люшков приказал лейтенанту Дамаеву без сопровождающего наряда вести его и Стрелкова к линии государственной границы, где он располагался в прошлый раз в

ночь с 29 на 30 мая. Нарядов в район его расположения приказал не высылать. Этим приказом Люшков заставил лейтенанта Дамаева заранее выработанный план охраны границы в ночь на 13 июня аннулировать и открыть границу в районе погранзнака № 8.

На границе Люшков подробно расспрашивал лейтенанта Дамаева о прохождении линии государственной границы, о месте расположения японской заставы Пензау и города Хуньчун. Получив исчерпывающие ответы, Люшков выбрал себе для расположения место в десяти метрах от линии государственной границы рядом с распадком.

Приблизительно в 23 часа Люшков, одев поверх формы штатское черное пальто и кепку, расположился на выбранном им месте. В связи с тем, что ожидаемый им агент якобы мог, несколько отклонившись, выйти вправо или влево от него, он приказал лейтенанту Дамаеву расположиться слева от себя в 600 метрах, а лейтенанту госбезопасности Стрелкову – справа на 250 метров для наблюдения за сопредельной территорией с правого фланга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.